

Бянь Хун провёл ночь в полубреду: из его груди вырывались неразборчивые шёпоты сновидений, то он мучительно метался, то всем телом сжимался и дрожал от холода. Под конец, совершенно обессилив, он наконец погрузился в глубокий сон, уткнувшись в грудь мужчины.

Когда он открыл глаза, незнакомая тьма вокруг мгновенно заставила его напрячься. Он резко приподнялся, почти встав на корточки, и этого одного движения хватило, чтобы перед глазами потемнело, а голову пронзило головокружение. Даже так он действовал инстинктивно: левая рука заняла защитное положение у лица, правая же по привычке потянулась к бедру, туда, где должно было быть оружие. У него была привычка прятать нож в обмотках на ноге.

Но рука нащупала пустоту. Ни ножа, ни даже одежды. В этот миг Бянь Хуна накрыла острая волна ужаса: его опыт в чёрных угольных копях и в армии говорил об одном - если тебя раздели догола, это означает только одно.

В самый разгар паники он вдруг услышал чьё-то чихание. Бянь Хун насторожился, ухо дёрнулось, и взгляд мгновенно устремился в сторону звука.

К этому моменту потемнение в глазах, вызванное резким движением, немного отступило. Он потряхнул головой, и в поле зрения появились две золотистые обезьяны, сидевшие у очага и греющиеся у огня.

Бянь Хун на мгновение опешил, затем огляделся. Вокруг были старые, но крепкие каменные стены; сбоку ровно горел очаг, а рядом с огнём была натянута верёвка, на которой сушились две ватные куртки и несколько предметов одежды. Лишь теперь, выходя из оцепенения, он окончательно пришёл в себя и понял, где находится.

— Маленький курган, — эти слова, необычные и слишком уж приметные, сами сорвались у него с губ.

Сразу после этого силы словно покинули его. Всё тело ныло и было ватным, голова раскалывалась, нос был заложен. Только что он держался на одном напряжении, на последнем усилии воли, и теперь, убедившись, что находится в безопасности, обмяк, словно тряпичная кукла, и снова рухнул на деревянную кровать.

Две золотистые обезьяны напротив не совсем понимали, что происходит с этим вздрагивающим человеком. Однако маленькая обезьянка, шмыгнув носом и чихнув, тихонько выбралась из объятий старой, а затем, цепляясь за шкафчик и стул у каменной стены, осторожно перебралась на кровать.

Бянь Хун бессильно полусидел, глядя на детёныша: несмотря на синяки и тёмные следы травм по всему телу, он был жив и выглядел вполне бодрым. Лишь тогда Бянь Хун медленно выдохнул, наконец отпуская сдерживаемое напряжение. Эта крохотная жизнь, такая хрупкая и вместе с тем удивительно стойкая, пережив жестокие испытания, всё же сохранила чистый, ясный взгляд и сейчас доверчиво прижималась к человеку, чьи сородичи когда-то причинили

ей боль.

Бянь Хун ощущал одновременно и облегчение, и глубокую печаль.

Старая обезьяна, сидевшая у очага, тоже опустилась на все четыре лапы и подошла ближе. Ее шерсть по-прежнему отливала золотом, но морду пересекали свежие шрамы. Бянь Хун узнал ее - это был тот самый старый вожак, с которым Жун Фэн был особенно близок.

Вожак присел у края кровати и негромко, протяжно заурчал: «у-о, у-о». Бянь Хун, в отличие от Жун Фэна, не понимал языка зверей и не знал, что означает этот зов. Лишь когда длинная рука старой обезьяны осторожно подхватила его за запястье, опустила его ладонь себе на макушку, а затем другая, покрытая жёсткой шерстью лапа легла Бянь Хуну на голову, смысл стал ясен без слов.

Человек и обезьяна так и остались сидеть, разделённые лишь вытянутой рукой, в тихом «у-о, у-о» вожака, ощущая простую и тёплую близость.

В этот момент каменная дверь приоткрылась, впустив внутрь полоску света, и Бянь Хун понял: уже наступил день. Жун Фэн был одет лишь в тонкую нательную рубашу; в руках он держал тяжёлый глиняный кувшин, полный воды, и двух окоченевших от мороза толстолобиков. Зябко переступив ногами и стряхнув с них снег, он поднял голову и неожиданно увидел, что молодой ланьцзюнь уже очнулся.

Тот наполовину выбрался из-под звериной шкуры; кожа, освещённая пламенем очага, слегка порозовела, а в обычно тёмных и холодных глазах мерцал приглушённый, влажный блеск. Жун Фэн поспешно отвёл взгляд и, повернувшись спиной, подошёл к очагу, подливая воду в небольшой котёл.

— Очнулся? Как ты себя чувствуешь?

Бянь Хун смотрел на широкую спину мужчины и невольно вспомнил ночные события, в том числе и то, что на нём самом тогда не было ни клочка одежды. Это смутило его.

— Лучше... спасибо, — ответил он негромко.

Но было очевидно: даже голос у него изменился, стал гнусавым, сиплым. После ледяной воды озера, несмотря на то что Жун Фэн всю ночь согревал его своим теплом, простуды избежать не удалось.

Болезнь навалилась, как гора: простуда оказалась лютой, будто она копилась в его теле уже невесть сколько времени, затаившись во всех тех изнуряющих схватках за жизнь, которые он пережил, - молчаливая, терпеливая, выжидающая. Стоило Бянь Хуну лишь немного ослабить бдительность, как она с сокрушительной силой обрушилась на его хрупкое тело, мгновенно

распространяясь по нему.

Старый обезьяний вожак у кровати снова подхватил детёныша, вернулся к очагу и сел рядом с Жун Фэном греться. Старый и малый вскоре опять начали клевать носом. По мнению обезьяньего вожака, самым полезным из всего, что есть у людей, была именно эта пляшущая, живущая огнём теплота.

Услышав изменившийся голос Бянь Хуна, Жун Фэн всё-таки подошёл к кровати, снял с верёвки уже высохшую нательную рубаху и протянул её ему.

— Похоже, ты заболел.

Бянь Хун машинально коснулся лба и ладонь оказалась такой же горячей, как и кожа под ней, так что он не смог понять, что горячее. Пока он хмурился, мужчина протянул большую руку и осторожно приложил её к его лбу.

Холодная, почти ледяная ладонь показалась приятной, но Бянь Хун всё равно инстинктивно подался назад. Мужчина, заметив его непроизвольное уклонение, будто смутился и тут же поспешно убрал руку. В воздухе повисла неловкость.

Впрочем, спустя мгновение он отвернулся, подошёл к самому дальнему ящику в каменной комнате и достал оттуда какую-то вещь. Он долго разворачивал её слой за слоем, и когда, наконец, содержимое оказалось на виду, Бянь Хун увидел грубые, чёрные, неровные шарики.

— Съешь один, — сказал он.

Сил у Бянь Хуна и так почти не было. Увидев то, что ему протягивают, и даже не поднеся это близко к лицу, он уже ощутил подступающую тошноту. Он зажмурился, отвернулся - запах был настолько резким, что щипал глаза.

— Э... — начал он было, но не удержался и, отвернувшись, сухо закашлялся, с трудом сдерживая рвотный позыв.

Жун Фэн прекрасно понял его реакцию и даже с полным сочувствием кивнул.

— Это «пилюли десяти духов», — объяснил он. — Их делал мой учитель. Лекарство от всего на свете. Ингредиенты редкие, так что осталось только это.

В тот раз, в отчаянии, он давал их и больной матери. Пусть средство и не совсем подходило, но оно помогло продержаться до тех пор, пока старый лекарь не выписал более верное снадобье.

— Твой учитель сделал? Тогда... оно, наверное, уже просрочено?

За всё время пути Бянь Хуну доводилось глотать немало такого, что с трудом лезло в горло, но ни одно из этих «угощений» не производило на него такого устрашающего впечатления, как эта пилюля величиной с куриное яйцо.

— Просрочено - это как? — не понял Жун Фэн.

— Ну... слишком долго лежало, испортилось.

— Ничего подобного. Когда его только приготовили, запах был ещё хуже. Зато действовало.

В детстве стоило ему заболеть или пораниться, как учитель тут же хватал пригоршню этих огромных пилюль и с азартом гонялся за ним по всей горе. И где бы он ни прятался - в медвежьей берлоге или волчьем логове, в птичьем гнезде или тигровом убежище, - его неизменно выволакивали наружу, а потом учитель, посмеиваясь, разжимал ему рот и заталкивал лекарство.

Эти отвратительно горькие пилюли были связаны с немногими, но по-настоящему тёплыми воспоминаниями Жун Фэна. И сейчас, глядя на маленького ланьцзюня, который при свете огня с явным отвращением норовил спрятаться поглубже под звериную шкуру, он вдруг подумал, что вещей, достойных бережной памяти, стало ещё на одну больше.

— Это вообще можно есть? — Бянь Хун невольно усмехнулся, наполовину от бессилия.

— Можно.

Они посмотрели друг на друга, и ослабевший Бянь Хун сдался. В итоге, с кружившейся головой и мутным взглядом, он всё-таки проглотил одну пилюлю. Вкус оказался странным, тяжёлым, от неё буквально перехватывало горло. Даже сидящая рядом старая обезьяна скривилась, глядя на это, словно ей самой пришлось попробовать.

Зато потом Жун Фэн сунул Бянь Хуну в рот красную замороженную ягоду. Сладкую, прохладную, свежую, с чистым и мягким фруктовым вкусом. Этот вкус Бянь Хун запомнил надолго. Всякий раз, когда ему доводилось чувствовать горечь, он невольно вспоминал его. Вспоминал вкус той ягоды и вспоминал холодные от озёрной воды грубоватые пальцы мужчины, легко коснувшиеся его губ.

В тот день Бянь Хун, лежа на деревянной кровати, выпил уху из толстолобика. Бульон был молочно-белым и очень свежим, но на этом его достоинства и заканчивались.

Жун Фэн забыл положить соль.

Из-за болезни Бянь Хуна они задержались в маленькой каменной хижине ещё на два дня. И лишь на третий день то ли лекарственные шарики подействовали, то ли жар болезни в его теле

наконец выгорел дотла, у Бянь Хуна появились силы выйти за каменную дверь.

Он глубоко вдохнул морозный воздух горы Мэмэн - резкий, чистый, с едва уловимой сладостью и запахом трав и древесной коры. Подняв голову, он увидел горы и чащи, укутанные серебром снега: солнечный свет пробивался сквозь просветы между деревьями и, отражаясь, рассыпался по снегу множеством красок.

Опустив взгляд, Бянь Хун наконец понял, откуда взялась эта сладость и древесный аромат. У большого дерева возле каменной хижины была аккуратно сложена кучка припасов: в основном сосновые шишки, упавшие с деревьев за зиму, а также орехи и замёрзшие ягоды разных видов. Пока Бянь Хун рассматривал это, из-за ветвей неподалёку раскачиваясь выпрыгнули несколько золотистых обезьян. Ловко и привычно они положили собранные «подарки» к общей куче, потом, заметив Бянь Хуна, прокричали что-то вроде «о-о-у-у» и тут же исчезли в глубине леса.

Бянь Хун широко распахнул глаза и с удивлением обернулся к Жун Фэну, который, собрав вещи, вышел из каменной хижины.

— Возьми что-нибудь съестное, — сказал он. — Это благодарность от обезьяньей стаи.

Так они отблагодарили Бянь Хуна за то, что он, не щадя себя, спас детёныша. Обезьяний вожак тоже связал с ним узами дружбы: суровая и беспощадная к людям гора Мэмэн первой сделала шаг навстречу, и именно обезьяны первыми приняли Бянь Хуна.

Даже зимой в этом первозданном, почти не тронутым человеческой ногой горном лесу было достаточно пищи, чтобы укрывать и поддерживать всех его обитателей. Бянь Хун подошёл, поднял прозрачный замёрзший плод и положил его в рот. Он осторожно надкусил тонкую кожицу, позволив кисло-сладкому соку растаять на языке, а затем медленно стечь по горлу, прямо к самому сердцу.

Жун Фэн в пёстром свете, пробивающемся сквозь лес, смотрел на Бянь Хуна. После тяжёлой болезни тот заметно ожил и словно немного отпустил внутреннее напряжение. Лес уже проник сквозь его настороженную, холодную и молчаливую оборону, разглядев за ней его добрую и сострадательную суть. И бесшумно утешил его душу, израненную тысячей ран.

Там, в горах, поверхность озера, ещё недавно взбудораженная и изломанная, всего за несколько дней вновь обрела прежнюю тишину и покой. Снег давно укрыл все следы кровопролития, а человеческая суэта для этой молчаливой, древней горы была лишь кратким мигом, как вспышка светлячка.

Жун Фэн закрепил деревянные сани, и, взяв с собой Бянь Хуна и его «дары», они отправились в обратный путь. На снегу, рядом с чередой одиночных, тянувшихся издавна следов, наконец появился и след ещё одного человека.

В глубине леса из-за ствола старого, росшего здесь сотни лет дерева показалась пёстрая,

мощная лапа. Взгляд зверя был суров и ясен, в поднятой голове чувствовалось величие того, кто привык взирать на всё свысока. Убедившись, что Бянь Хун и его спутник благополучно покинули чащу, он бросил на них последний взгляд. А затем развернулся, и его огромное, крепкое тело вновь растворилось в туманной дымке заснеженных гор.

<http://bllate.org/book/13502/1243908>